

РЕЦЕНЗИИ

© 1994 г., ЭО, № 5

Тюрки таежного Причумылья. Популяции и этнос. Томск, 1991. 244 с.

Выход в свет первого монографического исследования о тюркоязычном населении Причумылья (северная периферия саяно-алтайского тюркского мира), безусловно, большое событие в отечественной этнологии. Мы уже успели привыкнуть к появлению значительного числа лингвистических работ¹ при отсутствии историко-этнографических монографий почти по всем тюркским народам Южной Сибири. Такое положение стало чуть ли не нормой.

Вряд ли есть необходимость представлять авторский коллектив рецензируемой книги. Имена этнографа Э. Л. Львовой, лингвиста Р. М. Бирюкович, антропологов Г. А. Аксяновой, А. Н. Багашева, В. А. Дрёмова и Г. Л. Хить хорошо известны научной сибиреведческой общественности. Со времени выпуска «Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» в конце 1950-х гг., пожалуй, не удавалось собрать для написания сводной монографии о тюрках Саяно-Алтая столь солидный научный коллектив.

Объект исследования авторов книги — тюркоязычное население, издавна обитавшее по обоим берегам Чулыма, почти по всей реке — от верховий в районе г. Ачинска до впадения в Обь. Потомки некогда достаточно многочисленных тюркоязычных обитателей Причумылья в настоящее время проживают на территории Тегульдетского и Асиновского районов Томской обл. и Тюхтетского района Красноярского края. Точных сведений об их численности нет. По подсчетам авторов, в начале 1980-х гг. чулымцев насчитывалось до 750 человек (с. 3—4). Представляется сложным определение этнической принадлежности и статуса чулымских тюрков. Согласно данным массового опроса, проведенного в 1986 г. среди тюрков Причумылья этнографом В. П. Кривоноговым, 75% из них называют себя хакасами («нас записали хакасами», «я по паспорту записан хакасом» и т. п.). При этом считают себя одним с хакасами народом 10% опрошенных. Из самоназваний на родном языке у чулымцев наиболее распространены три: «тадарлар» («тюрки»), «йус чоны» (чулымское общество, народ) и «пистинг кижилери» (наши люди)². Учитывая сложность этого вопроса, авторы предлагают использовать главным образом аллоэтноним «чулымские тюрки», а также «чулымцы» (с. 6). Последуем и мы их примеру.

Рецензируемая работа состоит из введения, двух разделов и заключения. Имеются списки использованной литературы, архивных источников, сокращений.

Во «Введении» (с. 3—24, авторы Э. Л. Львова и В. А. Дрёмов) довольно подробно изложены основные сведения о чулымских тюрках, их современной численности, расселении, самоназвании, первых исторических известиях о них, относящихся к XVII в., об истории изучения чулымцев этнографами, антропологами и лингвистами. Авторы видят свою задачу в «описании исторического феномена чулымских тюрков», причем — описании «монографического по сути... и комплексного по характеру использованных источников» (с. 24). Для этого был проанализирован значительный объем не только опубликованных работ и исторических документов, но и архивных источников из архивов Академии наук, ЦГАДА, Музея археологии и этнографии при Томском университете, кабинета антропологии Томского университета, кабинета языкознания Томского пединститута, а также архива Тегульдетского райисполкома. Особую ценность придает монографии введение в научный оборот большого полевого материала — как этнографического (1969—1980 гг.), так и антропологического (начиная с 1980 г.) (с. 22—24).

Раздел первый «Этнос» состоит из трех глав. Первые две написаны Э. Л. Львовой, третья — Р. М. Бирюкович. Глава 1 «Основные занятия и положительные знания в системе традиционной культуры чулымских тюрков» (с. 26—95) включает девять очерков, посвященных рыболовству, охоте, собирательству, земледелию, скотоводству, средствам передвижения, календарю, ориентации и счету. Обширный, чрезвычайно интересный материал, по крупицам собранный в неумолимо исчезающем «этнографическом поле», позволяет читателю достаточно отчетливо представить себе многокомпонентное, комплексное хозяйство чулымцев до начала XX в. Очень важно, что в этой

главе этнографические описания сопровождаются местной терминологией, а также иллюстрациями (14 рисунков).

Выделить какой-либо один из девяти очерков по степени насыщенности конкретными данными и глубине анализа практически невозможно. Каждый из них интересен. Например, из очерка «Рыболовство» (с. 26—38) мы узнаем не только о том, что рыболовство в XVIII — начале XX в. являлось одной из важнейших отраслей хозяйства чулымцев, но и о том, что сам процесс рыбной ловли осуществлялся как индивидуально, так и коллективно. В очерке содержатся описания многочисленных приспособлений для ловли рыбы. Умело подмеченные этнографические детали — «помимо общераспространенных форм уплаты калыма деньгами или домашними животными жених должен был вручить родителям невесты сто карасевых языков» (с. 29) — придают повествованию особый колорит. Для каждого из приспособлений, вернее, для каждого термина автором делается попытка найти аналоги. Следует отметить, что Э. Л. Львова прекрасно продемонстрировала возможности этнолингвистического анализа как метода исследования в этнологии.

Давно уже в этнографических работах не встречались разделы «Ориентация» (с. 91—94) и «Счет» (с. 94, 95), поэтому их включение в книгу — положительный фактор. Полевые этнографы постоянно сталкиваются со своеобразием представлений изучаемого народа о пространстве, дороге, ориентирах и хорошо знают, насколько они порой сложны для восприятия. Два приведенные Э. Л. Львова описания «плашниково-го пути» («путика») наглядно показывают это.

В первой главе обнаруживаются небольшие неточности и недоговоренности. Следует, на мой взгляд, заметить, что среди народов Саяно-Алтайского нагорья не только чулымские тюрки и тофалары (как и кеты, ханты, селькупы) подклеивали камус к основе лыжи (с. 73). Точно так же поступали и северные алтайцы, и шорцы³. На с. 81, 82 автор приводит термины для обозначения тесла: «цот» на Нижнем Чулыме и «адалга», или «адалга-палты» на Среднем Чулыме. Далее, сообщив читателям о том, что последний термин представляет «большой интерес», Э. Л. Львова без особых проблем нашла ему параллели в кумандинском, якутском, татарском и монгольском языках. При этом термин «цот» был оставлен без каких-либо комментариев.

И еще одно. Рецензируемая работа — не единственная, где подробно описывается конструкция лыж и приводится тюркский термин для одной небольшой, но немаловажной детали — «берестяной подошвы» — «тос», или «казын» (с. 71—72). На первый взгляд, ничего особенного: «тос» — это береста, а «казын» — береза. Термины содержат указание на материал. И все же думаю, что эти термины — не традиция, а свидетельство ее распада. На такую мысль наводит то, что наряду с общеизвестными «тос» и «казын» («кайын») у нижнекондомских шорцев еще в XIX в. сохранялся особый термин «марсла»⁴, а у челканцев он в форме «турсла» существует и по сей день⁵. Возможно, именно этот термин являлся в недалеком прошлом основным тюркским (?) обозначением «берестяной подошвы» лыж. А если это предположение верно, то, как мне представляется, более корректно в описываемых случаях выглядела бы примерно такая фраза: (у такого-то народа) «никаких терминов для обозначения „берестяной подошвы“, за исключением описательных „тос“ и „казын“, в настоящее время не зафиксировано».

Вторая глава «Сложение культурно-хозяйственного типа и формирование чулымско-тюркского этноса» (с. 96—105) содержит ряд важных теоретических выводов, сделанных на основе анализа разнообразных этнографических источников. Вкратце основные положения могут быть сведены к следующему. Причулымье в физико-географическом отношении характеризовалось совокупностью природных условий, способствовавших развитию многоотраслевого хозяйства. При этом каждый отдельно взятый компонент экономической структуры чулымцев (в условиях природной провокации несложной, но стабильной экономики) имел невысокий уровень развития. Лишь рыболовство отчасти «приближалось к развитому рыболовческому укладу обских угров и самодийцев» (с. 98). Однако трудно согласиться с автором в том, что эту «неразвитость» порождали лишь природные условия. Хозяйственно-культурный тип чулымцев выглядит достаточно типично по сравнению с другими тюркскими народами таежных районов юга Западной Сибири, где с особой силой сталкивались интересы политической элиты наиболее сильных в XVII—XVIII вв. княжеств — кыргызских и телеутских. К извечным противникам в рассматриваемое время добавились русские отряды и западномонгольские войска.

Зная об этом, стоит ли удивляться «невывразительности», «неразвитости» и прочим «не» и даже некоему «отсталому», уходящему корнями в седую древность единообразию, которое обнаруживается в материальной культуре таежных чулымцев, шорцев, челканцев, кумандинцев и т. д.? Возможное объяснение лежит в области человеческой психологии: зачем что-то делать хорошо,

красиво, добротнo, надолгo, если завтра всё это отберут, сожгут, сломают? Отсюда и «знаменитые» жилища типа «одаг», и «бедная» одежда, и многое другое.

Один из выводов, сформулированный в этой главе, заключается в том, что историко-культурный феномен чулымских тюрков — это не просто итог «сложения» местных племен пеших таежных охотников и рыболовов и пришлых тюрков — скотоводов и земледельцев. Скрупулезный анализ материальной культуры чулымцев показал, что формирование их многоотраслевого хозяйства было гораздо более сложным. Э. Л. Львова установила, что «все, даже самые незначительные подробности производственных процессов, связанных с добывающим хозяйством, изготовлением и использованием необходимых для него орудий труда, упоминаются в большинстве случаев в материалах тюркской лексики и имеют оригинальный, незаимствованный характер. Это относится и к предметной, этнографической стороне изучаемых явлений» (с. 104). Специальная терминология, связанная с охотой и рыболовством, во многих случаях восходит к лексике древнетюркских памятников и раннесредневековых письменных источников.

Автор совершенно справедливо связывает эти факты с участием в этногенезе чулымцев «лесных народов», к каковым, вероятно, относились и первые тюркоязычные пришельцы на Чулым (VIII—IX вв.); им уже в то время был присущ «охотничье-рыболовческо-собираТЕЛЬский уклад». Единственное, что, на мой взгляд, выглядит в системе доказательств несколько надуманным, а возможно и излишним, это стремление автора показать, что именно племена куштем и урасут (классические «лесные народы», по «Сокровенному сказанию» и летописям Рашид-ад-Дина) — а «в тюркской этнонимике Причулымья известны оба эти названия» (с. 101) — сыграли определенную роль в освоении бассейна Чулыма; поэтому Причулымье и «может рассматриваться как периферийная область, входящая в историко-культурную общность „лесных народов“» (с. 103).

В третьей главе «Чулымско-тюркский язык» (с. 106—125) приводятся краткие сведения об особенностях ниже- и среднечулымского диалектов, дается общая характеристика фонетики и морфологии языка. Завершает главу очерк «Место чулымско-тюркского языка среди других тюркских языков Сибири». Возможности ареальной лингвистики позволили Р. М. Бирюкович определить не только общие диалектные признаки обоих диалектов, но и прийти к выводу о том, что есть основания «говорить о чулымско-тюркском как самостоятельном языке» (с. 122, 123). В данном языке выявлено значительное число уйгурских и кыпчакских элементов. На этом основании был сделан важный вывод о том, что «в тюркизации аборигенного населения бассейна р. Чулым значительную роль играли восточнотюркские, кыпчакские и уйгурские племена» (с. 125).

К главе, написанной профессионалом-тюркологом Р. М. Бирюкович, добавить практически нечего, за исключением, пожалуй, двух моментов. Во-первых, в кратком обзоре лингвистических сведений по чулымско-тюркскому языку (с. 106) нет упоминаний о материалах Н. П. Дыренковой, как, впрочем, нет на них ссылок и в этнографических главах монографии. Хочется обратить внимание на то, что архив исследовательницы, хранящийся в Музее антропологии и этнографии, содержит большое число этнографических и фольклорных данных (полевые записи, статьи) не только шорцев, телеутов, кумандинцев, некоторых групп хакасов, но и чулымских тюрков⁶. Использование этих материалов существенным образом может обогатить любую работу в области тюркологии. Во-вторых, одно уточнение: форма настоящего времени на -ады (одна из кыпчакских черт в строе чулымско-тюркского языка) характерна не только для казахского, ногайского, карачаево-балкарского, каракалпакского и узбекского языков (с. 124—125). Есть аналогии и территориально более близкие. Одна из них, судя по воспоминаниям старожилов-телеутов, могла быть еще недавно обнаружена в говоре (?) тюркоязычного населения улуса Мокроусовского, недалеко от современного г. Новокузнецка Кемеровской обл. «Мокроусовские шорцы» говорили к удивлению телеутов: «Кайдары барадынг?» (куда ты идешь?), а не «Кани парт'азынг?» («Кайне парчазынг?»)⁷. Думается, что это частное дополнение может послужить поводом для серьезных размышлений о границах расселения так называемых «чулымских тюрков», об этнической истории большого числа тюркоязычных в XVII—XIX вв. групп населения Кузнецкой котловины (ячинцы, кумыши, шуйцы, камлары), об их культуре и языке. Кстати, образцы этого языка все еще можно зафиксировать в ряде селений Кемеровской обл.

Раздел второй «Популяция» целиком посвящен антропологической характеристике исследуемого народа. Он состоит из двух глав. Глава четвертая «Антропологическая характеристика современных чулымских тюрков» включает два очерка: «Соматология» (с. 128—153, автор Г. А. Аксянова) и «Дерматоглифика» (с. 153—165, Г. Л. Хить). В главе пятой «Антропологический состав чулымских тюрков в XVI—XIX вв.» три очерка: «Краниметрия» (с. 166—199, В. А. Дрёмов), «Одонтология»

(с. 200—209, Г. А. Аксянова) и «Дискретные признаки черепа» (с. 209—220, А. Н. Багашев). Содержащиеся в этом разделе монографии материалы и выводы важны как сами по себе, так и для осмысления этногенетических процессов в регионе. По крайней мере, они не дают возможности безоговорочно согласиться с одним из выводов, сделанных в «Заключении»: «Многие положения, высказанные на материалах смежных наук, антропологическими данными не удается ни подтвердить, ни опровергнуть» (с. 225). К счастью, скепсис В. А. Дрёмова ни в коей мере не отразился на антропологических очерках этой книги.

Многие из полученных авторами результатов могут быть, на мой взгляд, отнесены к разряду научных открытий. Такая характеристика вполне может быть применена, например, к выводу о том, что, по данным дерматоглифики, чулымцы — «крайняя восточная точка „европеоидного форпоста“ в Сибири» (с. 165). Это же следует отнести и к выводу о том, что уровень гомогенности чулымцев по краниологическим данным «ничуть не уступает степени антропологической однородности казахов и хакасов» (с. 185). Кстати, с последним выводом хорошо согласуются и некоторые важные типологические параллели в строении зубной системы, а именно повышение уровня грацилизации первых нижних моляров, что сближает чулымцев с финно-уграми (с. 200, 209). Достаточно любопытно и то, что по сумме признаков зубной системы, помимо кызыльцев, наиболее близкими к чулымцам оказались ненцы (с. 205).

Хотелось бы обратить особое внимание на современный физический тип чулымских тюрков. Как ни парадоксально это может показаться, но характеристика той же этнической группы, что по итогам работ 1937 г. Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой безоговорочно считалась «низколицым монголоидным типом», в настоящее время вполне вписывается в представления антропологов об уральской расе! Точнее говоря, современная картина позволила получить несколько иной образ чулымцев, укладывающийся где-то между результатами 1937 г. и конца 1940-х — начала 1950-х гг. (последние были получены Н. С. Розовым). Исчезновение так называемого «чулымского типа» с антропологической карты Сибири В. А. Дрёмов предложил объяснять, во-первых, «методическими расхождениями» и, во-вторых, несоответствием объекта исследования 1930—1940-х и 1980-х гг. (с. 223). Не развивая здесь каждое из них (оба объяснения имеют право на существование), укажу лишь на сложность самого объекта исследования, живущего в зоне интенсивных этнических контактов и сложившегося из разнообразных компонентов. Априори к числу возможных объяснений могла бы быть отнесена и «русская примесь». Однако авторы учли важность поисков в этом направлении и убедительно показали (материалы Г. А. Аксяновой) на примере современного национально-смешанного чулымско-русского населения независимость процесса модификации физического типа чулымцев от метисации с русскими. Думается, что собранные авторами материалы и предложенные ими выводы доказывают важность продолжения антропологических работ в одном регионе, как это принято в биологических исследованиях.

В целом биологические материалы отчетливо показывают антропологическую самобытность чулымцев, а также сохранение древних, вероятно, дотюркских элементов в генетической основе этой популяции. Наибольшую связь с историческими материалами демонстрируют данные классической расовой программы, маркируя южные, вероятно, из северных областей Алтае-Саянского нагорья, расогенетические связи в физическом типе чулымцев.

Главным итогом предпринятого авторами монографического исследования тюрков таежного Причумылья можно, на мой взгляд, считать то, что практически по всем параметрам охарактеризованная ими общность людей может рассматриваться как единое самостоятельное этническое сообщество, иначе говоря — народ. Трудно сказать, какую роль этот вывод сыграет в жизни самих чулымцев: войдут ли они как народ в состав «малочисленных народов Севера» или же на правах этнографической группы будут включены в хакасский этнос. Вопросы эти, видимо, из области политики. Заслугой же авторов рецензируемой книги стал не только важный с научной точки зрения вывод о чулымцах как о народе, но и то, что им удалось продемонстрировать образец максимально объективного, независимого от сиюминутных политических задач изучения этнической общности. Пример, достойный подражания!

Д. А. Функ

Примечания

¹ Только чулымско-тюркскому языку посвящено несколько монографий. См. напр., Бирюкович Р. М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979; *её же*. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 1. М., 1979; Ч. 2. Саратов, 1981; и др.

² Кривоногов В. П. К вопросу об этническом самосознании и этнонимах у чувлымских тюрков // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языкознания). Матер. Всероссийской конференции. Омск, 1992. С. 36—39.

³ См.: Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века). Горно-Алтайск, 1974. С. 79. По устному сообщению проф. Л. П. Потапова, в 1920—1930-е гг. кондомские шорцы использовали для подклеивания камуса черемуховый клей. По моим полевым материалам 1990 г., челканцы для этой цели использовали клей из конских сухожилий (пос. Турачак, с. Курмач-Байгол).

⁴ Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоиерей В. Вербицкий. Казань, 1884. С. 200.

⁵ Полевые материалы автора. Записано 2 августа 1990 г. в с. Курмач-Байгол от Я. Б. Крачнакова, 1926 г. р., сеок Шакшылу, кезек Теткыр.

⁶ Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 3. Оп. 1. № 242 и др.

⁷ Подробнее см.: Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 1993. С. 67—68.

© 1994 г., ЭО, № 5.

Н. Ф. Мокшин. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 240 стр.

Известный ученый, автор многих монографий по разным аспектам мордовского этноса Н. Ф. Мокшин опубликовал еще один труд, адресованный широкому кругу читателей. Книга называется «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников», но она шире названной темы и по существу дает представление обо всем процессе накопления историко-этнографических знаний о мордовском народе, начиная от готского историка Иордана (середина VI в.) и кончая нашими днями.

Книга содержит несколько разделов, посвященных европейским ученым и путешественникам от раннего средневековья до XVII века, восточных путешественников и русским письменным источникам того же времени. Затем идет раздел о российских ученых и путешественниках XVIII века, XIX — начала XX века, и, наконец, ученых советского периода и наших дней. В рамках этих разделов отдельные главки посвящены отдельным авторам, иногда группе авторов, объединенных общей эпохой и сходной направленностью трудов.

Можно сказать, что Н. Ф. Мокшину удалось создать своего рода энциклопедию по истории изучения мордвы. В каждой из глав он дает основные сведения о соответствующем авторе, обстоятельствах, которые привели его в соприкосновение с мордовской проблематикой, краткую характеристику содержания трудов и тех сведений, которые имеются в них относительно мордвы и то место, которое эти труды занимают в постепенном накоплении знаний о мордве. В примечаниях же даны библиографические сведения об этих трудах, так что книгу Н. Ф. Мокшина можно рассматривать как достаточную для интересов широкого читателя библиографию основных трудов по мордовской этнографии.

Из книги мы узнаем, когда впервые и в какой связи стали известны в Европе и на Востоке этническое имя мордвы, места ее расселения, характерные этнографические особенности. Поскольку каждый раздел выдерживает в общем хронологический порядок, можно видеть и как постепенно меняются и расширяются эти знания и как меняется и объем сообщаемых сведений и само их конкретное содержание, отражающее эволюцию этнического облика народа, его образа жизни и обычаев.

С середины XIX века этнография становится специализированной дисциплиной, и появляются учреждения, ориентированные на этнографические исследования. В России важнейшим из них стало Русское географическое общество с отделением этнографии. Членами РГО было собрано немало ценных материалов по этнографии мордвы. Часть из них вошла в широкий научный обиход, немало интересных работ остается неопубликованными и хранится в архивах РГО. Н. Ф. Мокшин проделал большую работу по поиску этих материалов и приводит в своей книге список наиболее существенных из них. Охарактеризованы в книге также мордоведческие научные мероприятия ОЛЕА (Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии) при Московском университете и Общества естествоиспытателей при Казанском университете (в дальнейшем Общества археологии, истории и этнографии), Финно-угорского Общества в Гельсингфорсе